

Диалог в мире Достоевского

«Будьте не мертвые, а живые души», — писал, обращаясь к своим читателям Гоголь¹, сумевший увидеть присутствие деформированной ложным устройством общества «живой души» в Поприщине, Акакии Акакиевиче и даже в Чичикове, Манилове и Плюшкине. Достоевский сделал следующий шаг по этому пути. Вслед за Пушкиным и Гоголем он посвятил свое творчество разгадке «тайны» того, что делает человека и общество душевно «мертвыми», и вместе с тем — отысканию и восстановлению в них тех ростков человечности, которые могут помочь им душевно воскреснуть, стать сопричастными «живой жизни» вселенной.

В первой главе романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница» (1818) молодой адвокат Харди жалуется на скудость воображения, отличающую современных ему романистов. «Романист — замечает герой Скотта — тщетно ломает голову, стараясь разнообразить свою повесть, но как редко удается ему найти образ или положение, которые еще не примелькались читателю (...). «А когда развязку можно угадать (...), — продолжает он, — книга теряет всякий интерес. Вот отчего никто нынче не читает романов».

И далее устами своего героя шотландский романист противопоставляет вымыслам романиста затерянные в архивах страницы судебной хроники: «Иное дело — подлинные повести о людских безумствах, записанные в судебных отчетах; прочтите их — и вам откроются новые страницы человеческого сердца и такие повороты судьбы, какие ни один романист не решился бы измыслить... Дайте мне только издать шотландские «Causes célèbres», и вы надолго насытитесь трагедиями. Истина всегда торжествует над созданиями

¹ Гоголь Н. В. Письма. Ред. В. И. Шенрожа. СПб. 6. г. (1901) Т. IV. — С. 424.

самого пылкого воображения (...). Моралист найдет столько же исключительного в наших судебных летописях, сколько ботаник находит редкостных растений среди наших скал»¹.

Эту программу творчески осуществил Достоевский. Материалом текущей судебной хроники он воспользовался для разгадки тайн человеческой души. Приводя своих главных героев на трагическое распутье, откуда одна из дорог ведет к преступлению, а другая таит возможность выхода к вечной общечеловеческой Правде, Достоевский-романист создает те экстремальные условия, которые позволяют ему испытать нравственные потенции современного человека, силу и слабость грозящих ему соблазнов, спасительность или гибельность владеющих им социальных, нравственных и философских идей.

В противовес теориям, сводящим упрощенно душевную жизнь человека к ряду ответов на внешние и внутренние раздражения, приписывающим главную роль в духовном формировании человека внеисторической типологии личности или среде и наследственности, Достоевский защищает тезис о том, что душевная жизнь человека во всей ее сложности не может быть постигнута ни «лекарями-социалистами», ни эмпирической психологией. Ибо в «тайны души человеческой» способны проникнуть глубже них интуиция гениального художника или глубокая философская теория, включающая в себя историософские, религиозные и нравственные начала, теория, признающая в качестве своего незыблемого основания идею свободы человеческой воли, неразрывно связанной с идеей нравственной ответственности личности перед вселенной, народом и человечеством.

Чтобы разгадать «тайну» человека, Достоевский в молодые годы обратился к теориям французских социалистов-утопистов, первый толчок к изучению которых дало ему знакомство с романами Жорж Санд. Под этим влиянием зародилось у Достоевского представление о трех ступенях в истории и отдельного человека и всей человеческой культуры. Первая из них — это счастливый и безмятежный, но и наивный «золотой век». Достоевский, следуя примеру Сервантеса², многократно обращался к картине «золотого века» в своем творчестве. Наиболее ярко «золотой век» обрисован в исповеди Версилова в романе «Подросток». «Золотой век»

¹ Скотт В. Собр. соч. в 20 тт. М. — Л. 1962. Т. VI. — С. 17—19.

² Ср.: Сервантес М. «Дон Кихот». Т. I, гл. XI.

«был, по мысли Достоевского, веком, когда люди еще не познали зла, греха и душевной раздвоенности и могли спокойно наслаждаться своим земным существованием, но оставались детьми по своему сознанию. Однако затем исторически закономерно наступила эпоха цивилизации. Это эпоха высокого уровня развития человеческого сознания — и вместе с тем эпоха греха и страдания. Человек эпохи цивилизации потерял наивность и ощущение радостной гармонии с природой, а также с другими людьми, и с самим собой. Он «все сознает». И вместе с тем он осужден на душевную раздвоенность и беспокойство. Одновременно с развитием сознания у него растет разлад между мыслью и чувством, болезненное сладострастие, способность к злу и разрушению. Причем самое зло, причиняемое им, и сознание этого зла вызывают у него часто род болезненного наслаждения. Отсюда любовь человека эпохи цивилизации к различным «маскам» — он предстает перед нами то в роли шута и буффона, то в виде сладострастного циника, то в виде нигилиста и потенциального или реального преступника. Но все эти маски не могут скрыть его глубокого внутреннего страдания, порожденного дисгармонией с окружающим миром, чувством греха и потерей своего человеческого лица.

Однако и для отдельного человека и для всего человечества прохождение через муки эпохи цивилизации несет в себе, по Достоевскому, залог не только гибели, но и спасения. Ибо мысль, сознание, мир чувств и идей — не только разрушительный, но и созидательный фактор. В исканиях, в борьбе и страдании человек эпохи цивилизации обретает ту внутреннюю силу, которая дает ему возможности очиститься духом, победить в себе и других «бесовское» начало, противопоставить «идеалу Содомскому» «идеал Христа».

Только учитывая указанную историософскую концепцию, лежащую в основе творчества Достоевского, можно понять сущность его понимания человека и его духовной жизни. В отличие от Фрейда, Достоевский неразрывно связывал «тайну человека» с историей цивилизации, ее «тысячелетиями». Противоречия души и сердца героев писателя, борьба в их душах светлых, созидательных и темных, разрушительных сил порождены, по Достоевскому, не борьбой инстинкта и культуры, а промежуточным характером эпохи цивилизации. Силы эти не являются неизменными свойствами раз навсегда данного «низшего», инстинктивного слоя человеческого сознания, законы которого можно свести к ряду неизменных,

внеисторических формул — «эдипова комплекса» Фрейда или юнгианской теории архетипов, подавляемых культурой и психотерапией. У человека нет двух разных «этажей» — инстинкта и культуры. Ибо зло и добро — это не два этажа, а единое поле борьбы в душе человека.

Все люди, по Достоевскому, каковы бы ни были различия между ними и как низок или высок ни был присущий им уровень сознания, живут в одном, общем мире и ощущают — одни более ясно, другие более смутно — одни и те же противоречия этого мира. Вот почему «князь Христос» Мышкин и богоборец Ипполит Терентьев или аристократ Мышкин и купец Рогожин, богатый помещик Свидригайлов, нищий убийца Раскольников и пристав следственных дел Порфирий Петрович легко понимают друг друга и между ними возникают «общие точки». А шут и буффон Лебедев в романе «Идиот», несмотря на все свое внешнее юродство, в своем толковании Апокалипсиса способен прикоснуться к самым глубоким вопросам человеческого бытия. Или — если обратиться к другой—символической—сфере изображения основных противоречий человеческой жизни — Христос и его антагонисты— дьявол, Великий инквизитор, антихрист, — ведя между собой смертельную борьбу, в то же время в борьбе этой представляют собой противоположные, но и тесно спаянные между собой полюса единого Человеческого Бытия. И в народе есть как свои праведники, так и свои Власы или Миколки, способные не только к греховному деянию, но и к просветлению.

Наряду с историософским аспектом для понимания антропологических и психологических основ искусства Достоевского-романиста важен аспект социально-исторический (и даже социологический). Достоевский считал, что почти все предшествующие и современные ему русские писатели были писателями русского «меньшинства». Главным объектом их наблюдений был человек из «средневысшего» дворянского круга общества. Но жизнь русского дворянства в течение ряда веков отливала в одни и те же традиционные, стройные и строгие формы, благодаря чему «отцы» и «дети» в ней шли по одному и тому же проторенному пути и их благополучное существование имело вид определенной красоты и изящества или, по крайней мере, производило на наблюдателя вид «красивого порядка и красивого впечатления». Себя же самого Достоевский считал писателем «русского большинства», жизнь которого имела неупорядоченный характер.

и была лишена стройности и строгости форм и «руководящей нити». Герой Достоевского, по собственному определению писателя, это — герой из «случайного семейства», лишённого прочных устоев и внешнего «благообразия». Особенно «неблагообразный» характер психология и жизнь такого героя получили в пору пореформенного развития русского общества, после 1861 года. Мало того. В эту эпоху с её лихорадочной ломкой старого, летающими повсюду «мусором» и «сором» жизнь «средневысшего» дворянского круга — писал Достоевский в романе «Подросток» — также теряет присущие ей прежде красоту и стройность. Родовые традиции чести и долга умирают. Феномен «случайного семейства» становится основной клеточкой жизни всех слоев общества.

Историософский и социологический аспекты подхода Достоевского к психологии человека — свидетельства того, что Достоевский, подобно Вико, связывал психологию человека с историческим развитием, считая, что она подчинена известным объективным общим законам. Отсюда признание Достоевским повторяемости не только определенных жизненных ситуаций, но и коренных человеческих свойств. Уже современная Достоевскому литературная критика отметила, что между героями писателя существуют преемственность и психологическое сродство: одни и те же (или близкие) типы «маленького человека» со «слабым сердцем», «мечтателя»; героя-идеолога, преступника и богоборца. Многочисленные варианты «человека из подполья», людей, мучимых безудержными своими страстями, противоположных по своему духу носителей начал «гордости» и «смирения», нигилистически настроенных индивидуалистов и персонажей, воплощающих идеалы кротости и смирения, ощущающих свою органическую связь с другими людьми, с богом и природой, проникнутых стремлением к всепрощению и самоотверженному служению другому человеку во имя высшей духовной красоты и правды Христовой, видоизменяясь и обновляясь, проходят через все творчество писателя, переходя из одного его романа и повести в другие.

Вместе с тем Достоевский отнюдь не был склонен к схематическому «накладыванию» определенной сетки готовых, раз навсегда данных «идеальных» типов на живое многообразие «живой жизни». Наоборот, он постоянно и неустанно стремился к изучению «текущей действительности» со всей свойственной ей «хитростью», неисчерпаемым богатством

«единичных проявлений и вариантов общих, типических черт человеческого поведения и мышления как в сходных, так и в различных ситуациях. Отсюда — постоянное внимание Достоевского к газете, к политической, социальной и уголовной хронике дня. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский нанес сокрушительный удар романтическому представлению о преступнике и преступлении как всегда равных самим себе психологических величинах. Он бесстрашно разрушил мелодраматический штамп изображения человека — прирощенного злодея или безликой жертвы общественного неустройства. Мир Омского острога предстал в его изображении перед читателем как мир, отражающий в себе всю Россию того времени, ее верхи и низы, в бесконечном разнообразии и неповторимости составляющих его человеческих индивидуальностей. И столь же разнообразными, как населяющие Омский острог человеческие характеры, предстали в изображении Достоевского и психологические мотивы, толкнувшие его героев на преступление, и их отношение к главному герою-рассказчику.

Герой Достоевского почти всегда уверен, что у каждого человека (хотя бы и впервые встречающегося с ним) уже есть определенное — и притом поверхностное, неполное или ошибочное — представление о нем. «Вы, вероятно, думаете, что я таков, но я совсем другой». — Слова эти являются как бы лейтмотивом, который Достоевский вкладывает в уста множества своих героев. Живя в обществе, персонаж Достоевского всегда чувствует себя членом этого общества. Но в обществе неизбежно складываются идеологические стереотипы. Люди в представлении каждого члена общества делятся на определенные разряды и подразряды, стихийно или сознательно в голове человека возникает определенная классификация личностей и личностных типов. Однако подобный — внеличностный — подход к человеку категорически отвергается Достоевским. «Живую жизнь» он считает принципиально невозможной уложить в устойчивые, раз навсегда данные таблицы и схемы. Отсюда — постоянное обращение Достоевского к излюбленному им слову «вдруг», впервые отмеченное А. Л. Слонимским. У Достоевского все идет не по схеме. Принятый в кругу своих богатых родственников Епанчиных с едва скрываемым снисхождением, князь Мышкин, приехавший в Петербург в конце ноября в летнем пальто и с жалким узелком в руке, неожиданно становится миллионером. Его дорожный спутник и будущий названный брат

Рогожин — кутила и безобразник, но он же и человек с душой и сердцем, способный к глубокому страданию и сочувствию. Макар Алексеевич Деушкин не хочет, чтобы его отождествляли с Акакием Акакиевичем из гоголевской «Шинели», ибо чувствует себя не только «маленьким», но и «большим человеком». В этом нищем чиновнике можно увидеть и величие души гетевского Вертера, и философскую настроенность Гамлета с его глубокими размышлениями о смысле бытия. Как верно заметил молодой Д. Лукач в своей незаконченной книге о Достоевском, у Достоевского действуют и дворяне-помещики, и купцы и крестьяне. Но они духовно противостоят друг другу не как помещик и купец или как фабрикант и рабочий, а прежде всего, как души. И их главный спор — спор не о деньгах или карьере, а о философских идеях. Этот — главный — спор стоит за всеми их другими, более второстепенными столкновениями. Герои Достоевского постоянно живут жизнью души, их мучат вопросы Добра и Зла, Красоты и Безобразия, Справедливости и Несправедливости — и этот экзистенциальный диалог душ составляет главное основание великих романов русского писателя. Здесь все погружены в одну общую атмосферу страстных размышлений о вечных вопросах бытия. Ибо мир стоит на пороге катастрофы; его старые устои уже не способны служить опорой общественного здания — и самая насущная задача для людей — не «хлебы», а «новая земля и новое небо». Так социология, психология, философия и нравственность сливаются для Достоевского и его героев в одно единое целое. Только полное и окончательное разрешение «мировых вопросов» и «мировых противоречий» — и притом без насилия и крови — может спасти человечество. Именно так, думается, а не в духе некоей общей гуманной — и притом достаточно банальной — эстетической фразы следует понимать размышления Достоевского и его героев о том, что высшая духовная красота спасет мир.

Со взглядом Достоевского на человека и его психологию как поле постоянной борьбы связана характерная для Достоевского-художника тема парадоксальности психологического поведения человека. Человек для Достоевского — всегда комплекс самых различных, порой противоречивых наклонностей, а потому поведение его во многом непредсказуемо и неожиданно и для него самого, и для окружающих. Так Раскольников — необычайно добр и отзывчив, он бы мог сказать о себе словами Радищева — что его душа уязвлена

страданиями окружающего мира — и эта отзывчивость, глубокая боль за человека становится одним из мотивов его преступления. Свидригайлов (в том же романе «Преступление и наказание») — циник и сладострастник, человек с темным уголовным прошлым, но он же благороден по отношению к детям покойного Мармеладова, а, убедившись в невозможности покорить Дуню, завоевать ее любовь и прощение, он добровольно отпускает ее. Хромоножка в романе «Бесы» безумна, но она и мудра высшей духовной мудростью. В нравственном отношении она — сестра юродствующего капитана Лебядкина — стоит неизмеримо выше Ставрогина. Степан Трофимович Верховенский и Варвара Павловна Ставрогина связали себя на всю жизнь, и вся эта жизнь — цепь непрерывных столкновений и стычек. Алексей Иванович — герой романа «Игрок» — обожает Полину, но после своего выигрыша мстит ей и самому себе, уезжая в Париж с отталкивающей его, глупой кокеткой мадмуазель Бланш. «Кроткая», хрупкая и неуверенная в себе жертва мужа-ростовщика, нравственно побеждает стойкостью и величием духа своего мужа, а сам он, измучивший ее и доведший до самоубийства из желания подавить ее своим великодушием и завоевать ее благодарность, лишь после ее самоубийства осознает всю меру своей любви к ней. То самое человеческое существо, которое он мучил и истязал хитроумно придуманной психологической пыткой, было на самом деле Ангелом, посланным ему во спасение. Князь Мышкин бесконечно добр и безгрешен; автор сравнивает его с Христом, а между тем, в нем порой возникают недобрые чувства, «двойные мысли». И не случайно в «Преступлении и наказании» крестьянин, истязавший лошадь, и маляр, который, вопреки своих религиозных убеждений, готов добровольно пострадать, приняв на себя вину за преступление Раскольникова, носят одно и то же имя: Миколка.

Душа человека — не только сложного, но и самого простого, не только «интеллигента», но и человека из народа — представляет — по Достоевскому — сложный клубок противоречий. Распутать этот клубок — отыскать ту нить, которая позволяет, потянув за нее, «найти человека в человеке» — такова сложная задача, которая стоит перед любым человеком, в том числе — перед художником, а также перед антропологом и психологом. Ибо, как не испорчен современный человек, все же — если это не изувер плацмайор Кривцов, не Тоцкий, не Шигалев, не Лужин — в нем все же теп-

лится искра божественного огня. Она есть даже в таких закоренелых преступниках, как убийцы Петров и Орлов из «Записок из Мертвого дома». Старцу Зосиме удалось раздуть эту искру в душе Алеши, а Алеше — в душе его двенадцати учеников — апостолов. И та же ответственная задача, от решения которой зависит жизнь мира, его настоящее и будущее, стоит сегодня перед каждым из нас.

Нравственный закон в сердце человека и величие вселенной с ее стройностью и вечным обновлением тесно сопряжены между собой. Для внутренне мертвого человека умирает и внешний мир, общество же превращается под его рукой в бездушный «муравейник». Но еще более важна, может быть, поставленная Достоевским проблема порождаемых общественной жизнью ложных идей и фантасмагорий, давящих на человека, поработающих его душу и нередко погребаяющих его под своим грузом. Почти все главные герои романов Достоевского — люди «идеи». Идеологи, они вместе с тем и жертвы своих ложных идей, — идей, которые отражают мир в кривом зеркале.

Достоевский понял, что не одни пошлость и духовное оскудение таят в себе гибель для живой личности. Он проницательно угадал, что есть другие, более изощренные яды, которые способны поразить человека не только с элементарным, но и с высоким уровнем сознания. Таким ядом являются ложные и «фантастические» идеи вседозволенности и наслаждения злом, социальные фантасмагории, порождаемые миром насилия, зла и несправедливости. «Идея» Раскольникова возвышает его. Она зовет его ощутить себя не «вошью», а «власть имеющим», приобщает к разряду «необыкновенных» людей. Но вознося Раскольникова над миром обыденщины и прозы, та же «идея» делает этого мученика и апостола Добра преступником и апологетом всевластия сильной личности, превращает его в отступника от Вечного Нравственного Закона, которому подвластен человек. И точно то же самое относится к Человеку из подполья, Ставрогину, Ивану Карамазову. Ставя себя над миром и другими, «обыкновенными» людьми, эти герои Достоевского оказываются жертвами зла и отчуждения. Их диалектика, «оточенная как бритва», приобретает зловещие, губительные черты, делает их убийцами и «великими грешниками». Убивая ростовщицу, Раскольников убивает себя, отрезая себя «ножницами» от человечества.

Никто не имеет права нарушать нравственные законы — даже во имя самой возвышенной и благородной, как ему кажется, цели. Ибо без выстраданного живого чувства братства с другими людьми любой член общества становится потенциальным преступником. Человек не должен быть «вошью». Но он и не имеет права ощущать себя «сверхчеловеком», которому «все позволено». Иначе ему неизбежно грозит гибель и самоотчуждение. Возвышая себя над другими, человек убивает в себе свое человеческое начало, свою совесть, свою причастность тайне бытия.

Зарождаясь в больной душе человека эпохи цивилизации, возникая в ее «подполье» и разрастаясь в фантазмагорическую силу, способную погубить своего носителя, «ложная идея» самодовольной всеобщей сытости, насилия, вседозволенности способна стать триксиной, которая грозит гибелью всему человечеству. И лишь духовная победа над ней может способствовать очищению и перерождению человеческой души и всей мировой жизни. Благодаря такой победе царство Ваала способно стать подножием нового века человеческого Братства, основанного на сознательном торжестве живого человека над властью греха и отпадения от богочеловека. Пребудем же и мы верны этому завету великого русского писателя и мыслителя, завету, который сегодня продолжает быть для нас живым и действенным, как он был живым и действенным в прошлом для каждого, кто стремился помочь «восстановлению погибшего человека». Мысль эту, по словам Достоевского, провозгласил в эпоху перехода от средних веков к новому времени Данте, и ей Достоевский стремился дать второе дыхание в той новой, современной «Божественной комедии» дантевского масштаба, которая носилась перед его умственным взором великого художника, глубокого аналитика общества и человеческой души.

2

Любимые герои Достоевского — люди острого, испытующего сознания. Уже главный герой первого его романа, Маркар Алексеевич Деушкин, которого история литературы традиционно относит к типу «маленького человека», полон напряженных раздумий: каждая встреча с другим человеком, каждое столкновение с жизнью высекает у него искру мысли: о себе и о своем положении в сложившейся чиновной иерархии, о богатых и бедных, о титулярных советниках и генера-

лах, о нищем мальчике и семействе соседа его Горшкова. И мысли эти, как к своему фокусу, стягиваются к центральным для Достоевского антитезам униженных и унижающих, Красоты и Безобразия, Добра и Зла, совести и аморализма, покорности и бунта, нравственной ответственности и безразличия к окружающим людям — «ближним» и «дальним», к проблеме человеческой личности, ее прав и обязанностей.

В Девушкине впервые Достоевский затронул столь важную для него в будущем проблему личности, которая формируется жизнью, но и сама становится ее действенной моральной величиной. В Макаре Алексеевиче рождается личность. Но она именно только рождается. Ощущая себя в наиболее острые моменты жизни личностью, заявив о своих человеческих правах, Девушкин в роковую для него, решающую минуту оказывается сломленным своей нищетой, унижительным благодеянием «его превосходительства», вошедшими глубоко в его натуру моралью покорности, примирения с силою обстоятельств. Почувствовав в себе человека, Девушкин все же не стал еще личностью, не ощутил себя человеком в полном смысле слова, — человеком, имеющим не только равное с другими право на счастье, но и реально достигшего возможности почувствовать себя равным другим в умственном и нравственном отношении. В этой неспособности Девушкина почувствовать себя личностью в полном смысле слова — его трагический рок. Ибо гибнет он — по Достоевскому — не только из-за стирающей его в порошок силы внешних обстоятельств, но и из-за своей безличности, из-за неспособности преодолеть свойственное ему чувство человеческой неполноценности. Мысль, сознание, ощущение своего «я» и его прав — это, для Достоевского, величайшая нравственная ценность, одна из неотъемлемых от жизни и человека творческих сил, способствующих богатству, гармонии и полноте нашего существования.

Сказанное о Девушкине относится не только к нему, но и ко многим другим персонажам раннего Достоевского. Так же, как Девушкин, Голядкин, Ползунов, господин Прохарчин, Ордынов, Вася Шумков, Мечтатель из «Белых ночей» — люди, в которых присутствуют яркие проблески чувства личности, сознания своих человеческих прав. Но у всех них чувства эти находятся на начальной (переходной) ступени развития. И это обуславливает трагический финал повествования о каждом из них. За взлетом сознания героя рассказов и повестей молодого Достоевского следует крах этого

«сознания. И крах этот обусловлен не только необоримой силой внешних обстоятельств, но и внутренней слабостью «маленького человека» или «мечтателя» — двух типов героев повестей этого ряда. Утверждая чувство личности, высокий уровень человеческого сознания и самосознания как величайшие положительные, творческие ценности, молодой Достоевский отнюдь не склонен считать, что человек, который и в силу внешних, и в силу внутренних, субъективных причин не может вырастить в себе заметную и яркую личность, не имеет право на нашу симпатию и уважение. Нет! Достоевский уже в ранних своих вещах — «великий христианин» (как позднее он же сам охарактеризовал Диккенса с его романами, переполненными бесчисленным количеством «чудаков» вроде мистера Пиквика, мистера Микобера или бессмертной бабушки Давида Копперфильда, любовно окруженной такими фигурами, как Баркис и Пеготти). Всякий человек — независимо от того, более или менее он умственно развит и большим или меньшим сознанием своих человеческих прав обладает, является для Достоевского в принципе уникальной, великой и неповторимой ценностью; писатель требует к нему от каждого другого «я» уважения и внимания, признания его равноправности. Никто не волен посягать на человеческое достоинство, свободу и независимость каждого другого — пусть самого слабого и ничтожного — существа! Но все это не значит, что человек не должен стремиться развить и облагородить свое «я» сознанием высшей, христианской истины. Жизнь и сознание — не враги, но союзники. Ибо сознание также рождено самой жизнью, является ее творческой потенцией.

Во второй период творчества Достоевского, начиная с «Села Степанчикова», «Записок из Мертвого дома», «Униженных и оскорбленных», «Зимних заметок о летних впечатлениях» и — особенно — «Записок из подполья», его размышления вступают в новую фазу. Продолжая признавать, как и ранее, уникальность и неповторимость каждой человеческой личности, Достоевский ставит теперь в центр своего внимания не столько «мечтателей», героев «слабого сердца» (или персонажей, у которых вспышки сознания, ощущение социальной и нравственной незащищенности своей личности и ее прав приводят к чувству озлобления, к страху и демонстративному, провоцирующему шутловству), сколько героев, наделенных высоким уровнем мысли. Этот уровень мысли в романах его непрерывно повышается: она захватывает

у мыслящих героев писателя все более широкий круг вопросов человеческого бытия.

Но при этом обнаруживается и новый, более сложный пласт при художественно-философском анализе вопроса об отношении жизни и сознания. Да! Сознание, мысль рождены жизнью, представляют одну из высших ее ценностей — от этого постулата Достоевский никогда не откажется. Но не менее важно и другое — то, что в ранних произведениях Достоевского содержалось лишь в зародыше. Человек — величайшее благо — и величайшей ценностью и для него, и для общества являются его самосознание, его мысль. Сам Христос велик и «лучезарен» именно своей личностью, то есть тем, что он является идеальным прообразом человеческой личности в высшем духовном и нравственном развитии ее ума и сердца. И вместе с тем так же, как жизнь может служить и добру и злу, добру и злу может служить и натура человека, его сознание, его мысль, его личность.

Итак, мысль может равно стать и высочайшим благом и величайшей силой зла и разложения. А следовательно, хотя жизнь и сознание — союзники, на практике между ними не всегда существуют добрые, гармонические отношения. Уже Макар Деушкин знаком с уродующим ощущением им своих человеческих прав чувством «амбиции». А у Голядкина, Прохарчина, Ползункова «амбиция» неотделима от их личности и самосознания. Майора Кривцова — бесконтрольная власть, а таких жертв омского острога, как убийцы Газин, Петров или Орлов, — ощущение сдавленных жизнью, не находящих себе иного применения огромных внутренних сил — толкают на путь зла, жестокости и преступления. Фома Фомич Опискин или князь Валковский отнюдь не лишены ни личного своеобразия, ни весьма хитроумного, изобретательного коварства. А Подпольный герой — человек высокого уровня сознания, мыслитель, философ — и тем не менее основные вопросы человеческого бытия остаются для него вечной загадкой, перед которой вся его изощренная логика бессильно рассыпается в пух и прах.

Итак, сознание, подъем личности — великая ценность. И все же эта ценность, как и все остальное, имеет свои границы. Чтобы рост личности привел ее к добру, а не ко злу, нужна и другая, не менее важная сила — творческое сомнение, — сомнение, ведущее не к разрушению, а к созиданию.

Ибо любая ценность может легко стать для человека самоценной, оторванной от других жизненных ценностей. И то

же самое относится к сознанию, к чувству личности, к «идее», владеющей человеческим умом и сердцем.

Все главные герои романов зрелого Достоевского, от Раскольникова до Ивана Карамазова, — мыслители. Именно высокое развитие напряженной пытливой мысли, доходящей до глубинных основ человеческого бытия, до роковых причин страданий человека в мире делает их интересными для автора и читателя, придает им немалую долю их очарования, того чувства восхищения, которое мы нередко испытываем перед ними. Духовная жизнь человека, его умственные и нравственные искания, сомнения и заблуждения составляют внутренний нерв искусства Достоевского-романиста. Идеалом его всегда остается человек широкой, пытливой мысли, высокого нравственного сознания. И вместе с тем Достоевский — одним из первых в мировой литературе — понял, что мысль может стать не только созидательным, но и разрушительным началом, стать опорой не только демократии, но и тирании. Отвлеченные и утопические идеи, оторванные от жизни живого человека, могут стать для носителя таких мыслей тяжелым грузом, сужающим и подавляющим полностью его внутренней жизни, таящей в себе угрозу тоталитаризма, угрозу другим людям, обществу, нации, всему человечеству. Эта глубокая, провидческая мысль проходит красной нитью через все романы Достоевского.

Ибо, во-первых, любая, самая высокая и благородная мысль может легко вульгаризироваться, опошлиться, превратиться в «уличную философию». И тогда на смену Раскольникову приходят Лужин и Лебезятников, а на место Сен-Симону и Фурье — Петр Верховенский и Шигалев, Гитлер и Сталин, «великие инквизиторы» или — «мошенники, а не социалисты». Более того Ставрогины и Верховенские зачастую сами же вкладывают нож в руку Федьки Каторжного, а Иваны Карамазовы подают пример Смердяковым.

Но беда может стать и еще более губительной: отождествляя законы жизни со своей моральной «арифметикой» (подобно Раскольникову), с законами «эвклидовского» рассудка (подобно Ивану Карамазову), герои Достоевского обедняют этим и жизнь, и самих себя. Они хотят уложить живую реальность в прокрустово ложе искусственных, априорных, отвлеченных схем. А это неизбежно ведет к разрыву с миром, с полнотой вселенной в ее Красоте и Правде, открытым нередко «простым», менее сложным, но и менее опутанным предвзятыми схемами и догмами людям, к разрыву с народом и

его бессознательно усвоенным нравственным мировоззрением, основанном на нерушимости вечных норм добра и справедливости. Отсюда — неизбежный внутренний разлад героев с самими собой, с лучшей частью своего собственного человеческого существа, которое открыто красоте мира с его «клеякими листочками», символизирующими вечную жизнь и вечное обновление живого.

Вот почему Достоевский приходит к выводу, что сознание должно быть дополнено другим, не менее важным началом — совестью. Совесть — вечный беспокойный фермент, живущий в человеческой душе, фермент, не дающий ей эгоистически замкнуться в себе, застыть и окаменеть. Через пробуждение совести и потрясение сердца человек приходит к сомнению в своей узкой, эгоистической единичной правде, к обретению утраченного им единства с собою, с миром и другими людьми. На этом крестном пути самые ошибки, грехи и испытания могут стать для человека с душой и сердцем этапами роста и подъема личности, этапами движения к нравственному воскресению, к обретению утраченного им равновесия и единства с миром.

Как Христос на своем пути без насилия над своей личностью преодолел три дьяволова искушения, так должен сознательно и свободно преодолеть их каждый человек. И тогда он сможет обрести ту внутреннюю свободу, над которой никогда не сможет восторжествовать власть «Великого инквизитора», сулящего человеку безответственную легкую и сытую жизнь за счет его отказа от своей нравственной ответственности и свободы, подчинения власти насилия и тирании — в любом исторически возможном — уже знакомом или еще незнакомом нам сегодня — варианте.

Но как обрести тот нравственный стимул, который способен дать человеку силу для того, чтобы не остановиться на своем пути, не быть раздавленным грузом своих собственных, уводящих в сторону от «живой жизни» отвлеченных идей и построений? Подобный стимул для Достоевского-художника — постоянный внутренний самоанализ, а также постоянное общение, постоянный диалог людей между собой.

Едва ли не каждый, кто писал в XX веке о романе Достоевского, отмечал то особое, исключительное значение, которое имеет в романах Достоевского диалог. Об особой силе и значении диалогической стихии в романах Достоевского говорили и литературоведы — Л. П. Гроссман, А. З. Штейнберг, М. М. Бахтин, Т. Киносита — и писатели — С. Цвейг,

А. Жид — и философы — в первую очередь, Х. Ортега-и-Гассет в своих знаменитых «Размышлениях о романе» (1925).

Хочется процитировать найденное И. А. Битюговой, опубликованное в последнем томе Полного Собрания сочинений Достоевского письмо Достоевского к Любимову из Старой Руссы от 25 мая 1879. Оно связано с печатанием в «Русском вестнике» знаменитой книги «Pro и Contra «из Братьев Карамазовых». Защищая здесь «густые краски», которые раздражили его оппонента в гневных монологах Ивана, автор «Карамазовых» пишет: «Это ведь не я говорю густыми красками, преувеличениями и гиперболами (хотя против действительности нет преувеличений), а лицо моего романа Иван Карамазов. Это его язык, его слог, его пафос, а не мой. Это мрачнораздраженный и много молчавший человек. Ни за что бы он никогда не заговорил, если бы не случайная, вдруг разгоревшаяся его симпатия к брату Алексею. Кроме того, это еще очень молодой человек. Как бы он мог заговорить и на чем надсадить сердце, не прорвавшись, без особ(енного) увлечения, без пены у рта. Но я именно и хотел, чтобы выдалось лицо и чтобы читатель заметил именно эту страстность, этот наскок, этот литературный, обрывистый подход» (30, кн. II; 45) Достоевский превосходно характеризует здесь слово своего героя, которое всегда — «слово — страсть», «слово — человек», ибо представляет собой как бы сгусток, концентрацию внутренней жизни личности, ее выношенного годами и глубоко укоренившегося личного убеждения. И в то же время, как подчеркивает автор, слова Ивана не выплеснулись бы из его души в столь страстной форме без общения — без «случайной» встречи с Алешей.

Мы видим, что диалог — для Достоевского — прежде всего не «техническое» средство построения произведения, а форма общения между людьми. Диалог служит открытому выражению каждым персонажем своей личности, своего мнения, своих взглядов и идеалов. И вместе с тем — диалог — всегда и острая вспышка мысли, и спор, и орудие его разрешения. В споре, в столкновении идей рождается истина, открываются вечные глубины бытия. Но в то же время в общении, в споре, в диалоге все мы не только выражаем, но и уточняем свои взгляды, устанавливаем пункты нашего схождения и расхождения с собеседниками, учимся находить в их мнениях и взглядах часть правды, рациональное зерно, способное к жизни и развитию, ко включению в нашу прав-

ду, в наш нравственный мир, становимся полноправными участниками жизни в ее бесконечном движении и развитии.

К этому я бы хотел прибавить еще три замечания. Первое из них основано на верном и глубоком наблюдении Бахтина. Диалог у Достоевского — это не только беседа или спор между двумя разными собеседниками. Диалогична по своему внутреннему характеру уже сама нравственная жизнь героев-протагонистов Достоевского. В их уме и сердце спорят идеал Мадонны с идеалом Содомским, Бог с Дьяволом и Великим инквизитором. Но и этим не исчерпывается сущность диалогической стихии в мире Достоевского. Ибо герой его в своей внутренней речи все время спорит и с самим собою, и с другими людьми, с их мнением о себе. Он не терпит состояния равновесия, удовлетворенности собой, как не терпит и приговора, вынесенного ему раз навсегда другими людьми. Ибо он чувствует, что любой приговор, любая характеристика его — это всего лишь часть (и порою не самая важная часть) внутренней его сути, которая находится в глубине, пребывая в становлении, движении, в динамике, а не в статике. Вот почему реальный рассказ о герое у Достоевского нередко взрывает изнутри, опровергает и разрушает тот «предисловный рассказ» (пользуясь выражением Д. С. Лихачева), ту характеристику повествователя или героя, которая предшествует появлению их на сцене.

Но еще важнее, может быть, другое: персонаж Достоевского, как верно заметил В. В. Федоров, спорит с другим персонажем не только тогда, когда он обменивается с ним словами. Диалог для Достоевского начинается до открытого столкновения персонажей, а заканчивается после него¹. Самая личность героя, его особая позиция по отношению к миру — это уже приглашение к диалогу. Ибо все люди живут в одном общем мире, где каждый уникален и неповторим. А следовательно, самое существование множества человеческих индивидуальностей — уже часть бессловесного диалога между ними. Все люди — в силу того, что каждый из них уникальная и неповторимая личность, — втянуты в вечный и бесконечный диалог о мире и человеке, об их взаимоотношениях, о том, что в жизни высоко и низко, достойно и недостойно. Позиция Раскольникова и позиции Сони, Свидригайлова,

¹ Федоров В. В. Диалог в романе. Структура и функции. (Автореферат на ученую степень кандидата филологических наук). 1975. (Донецкий гос. университет).

Порфирия, страстные монологи Дмитрия и Ивана Карамазовых, поэма «Великий инквизитор» и «Житие старца Зосимы», написанное Алексеем Карамазовым, речь Алеши у камня, обращенная к «мальчикам» в эпилоге романа, — таковы части этого всеохватывающего диалога.

Можно сказать, что Достоевский смотрит на жизнь как на бесконечный, имеющий глубокий этический смысл, диалог, начавшийся до нашего рождения на свет и заканчивающийся в бесконечности будущего. И в ходе этого диалога, как уже было отмечено выше, он отвергает любые «готовые», затвердевшие определения и отвлеченные идеологемы. Любая попытка подвести «живую жизнь» под раз навсегда данные, общие схемы вызывает у него сомнения и отпор. Но это не означает, что в хоре «расходящихся» голосов своих героев он не находит связующих их позиции «общих точек». Так, Достоевский спорит с Белинским. Но это не означает, что он полностью отвергает идеи Белинского. Он спорит с Герценом — но во многом между ними существует и духовная общность. Он печатает свои романы в «Русском вестнике». И он же горячо спорит с Катковым и Любимовым. Дружит со Страховым и Майковым — но нередко и полемизирует с ними в письмах к жене и записях, сделанных для себя. Наконец, при всем сочувствии многим идеям старших славянофилов, он резко критикует Ивана и Константина Аксаковых, отзывается в «Ряде статей о русской литературе» об идеализации славянофилами допетровской Руси, как об «узком московском идеальчике».

С другой стороны, отвергая атеизм, Достоевский в «Братьях Карамазовых» заявляет, что атеизм ближе к истинному христианству, чем наивная вера, не прошедшая через «горнило сомнений». Он говорит об Алеше Карамазове и его поколении, что представители этого поколения (да и сам Алеша) равно могли бы стать и ревнителями подлинной веры и революционерами-народовольцами. И Алешу, как мы знаем, романист хотел провести через оба эти полюса.

Итак, люди разделены своими убеждениями. И однако в убеждении каждой частной и благородной натуры (если перед нами не Петр Верховенский, не Тоцкий, не Лужин, не Смердяков!) есть часть правды. Ипполит Терентьев — антипод Мышкина. Но на своем жизненном пути Мышкин пережил (хотя и оставил в прошлом) сомнения и отрицание Ипполита. Мысли Человека из подполья Достоевский охарактеризовал в разговоре с В. В. Тимофеевой-Починковской как

«einen schon überwundenen Standpunkt»¹. Но это ведь значит, что в прошлом сам Достоевский — в чем он открыто признался Починковской — прошел через отрицание и «бунт» своего подпольного героя. Наконец, в главе «Дневника писателя» за 1873 г. «Нечто личное» Достоевский — автор «Бесов» — признает себя бывшим «нечаевцем», — и это свидетельство для нас гораздо весомее, чем любые мемуарные свидетельства авторов воспоминаний о молодом Достоевском и о его настроениях в период увлечения идеями петрашевцев.

Вот почему Достоевский, как верно отметил П. В. Палиевский², не отвергает слепо любое истинное убеждение, как бы мало оно ему не импонировало, но стремится понять его, выявить его «pro» и «contra», развить его до последних выводов и следствий. Он стремится встать на точку зрения своего противника, видя в нем не столько противника, сколько партнера, соучастника общего движения человечества. Пусть человек мыслит односторонне, пусть он заблуждается, но это не значит, по Достоевскому, что всегда и во всех случаях его оппонент руководствуется ложными и злыми намерениями. Прежде, чем судить о человеке или о любом другом явлении, надо как бы нравственно переселиться в них умом и сердцем, пройти с ними рука об руку весь их путь «изнутри». И тогда может оказаться, что и в самой ложной идее, неприемлемой и губительной как целое, есть своя — пусть малая — часть правды. А самая святая и высокая истина может оказаться на деле «в параличе» и, следовательно, требует лечения, поправок, реформ. Так и народная правда выражена в народе лишь «бессознательно», и нужен был гений Пушкина, чтобы заставить ее засиять в полном блеске. А в бунтующих и страстных героинях Жорж Санд при более пристальном взгляде на них открываются целомудрие и чистота, близкие незамутненному и высокому христианскому идеалу.

Мы видим, что диалог в романах Достоевского — не просто «техническое средство», как полагали пятьдесят лет назад Гроссман или Ортега-и-Гассет. Это — проявление гуманистической открытости его романов жизни в ее постоянном движении, борьбе и динамизме. Диалог для Достоевского — необходимый элемент бытия людей в их нормальном, не-

¹ То есть как точку зрения им самим уже преодоленную. См.: Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. М. 1964. — С. 176.

² Палиевский П. В. Место Достоевского в литературе XIX века. Достоевский, Материалы и исследования. Т. 6. Л. 1985. — СС. 46—54.

стесненном развитии, призыв к людям жить общей жизнью. Диалогизм романов Достоевского вытекает из убеждения романиста в том, что любая «идея» каждой — пусть самой малой — личности имеет право на свободное обсуждение. Лишь благодаря ему, благодаря «додумыванию» до конца идеи героя, из нее могут быть извлечены ее внутренний потенциал, ее сила и слабость. «Горнило сомнений» не разрушает того, что жизнеспособно, но укрепляет и возвышает его. В призыве не бояться сомнений и споров, но проверять все затвердевшие, бессознательно усвоенные идеологемы так же, как и любые рождающиеся в мире «новые» идеи, претендующие на общезначимость, в мирном диалоге между людьми, в их общении, в оценке каждого мнения и каждой идеи в свете высокого и благородного, «лучезарного» нравственного идеала состоит завет Достоевского людям сегодняшнего дня. Как всякий человек, он и сам, как мы все хорошо знаем, не избежал увлечения абстрактными идеологическими построениями и схемами, которые опровергаются живой правдой его романов и его мысли. И в этом призыве Достоевского к постоянному, напряженному диалогу между нами во имя утверждения общей, большой человеческой Правды, нашего постоянного общего движения вперед я вижу один из факторов, способствующих близости Достоевского жизни и литературе нашего времени — времени сближения людей и усиления взаимообмена их культурными ценностями, времени романов Булгакова и Замятина, Гроссмана и Домбровского, Оруэлла и Хаксли, Айтматова и Солженицына, Т. Манна и У. Фолкнера, К. Абэ, Г. Грина и Г. Маркеса. Ибо необходимым компонентом культуры нашего сегодняшнего дня уже стал и становится с каждым днем во все большей мере свободный и открытый мирный диалог между людьми всех стран и регионов, людьми различного социального положения, неодинаковых политических, социальных и религиозных убеждений во имя взаимопонимания и сохранения нашей планеты, ее цивилизации и культуры, а также во имя общих интересов свободного и гуманного развития всего человечества, развития, обеспечивающего право на свободу, благосостояние и счастье каждого народа и каждого отдельного члена нашего земного сообщества.